

AUSTRALIAN RUSSIAN LANGUAGE ALMANAC

**ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО - ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ**

МОЯ АВСТРАЛИЯ

1

(2)

АПРЕЛЬ - МАЙ

1999

Елена ГОВОР

Земной рай в Южных морях

(Русское восприятие Австралии в первой половине 19 века)

В начале девятнадцатого века русские моряки начали осваивать просторы далеких Южных морей, где лежали дотоле неведомые, почти сказочные острова. В морях, где французы и англичане только недавно сменили испанцев и португальцев, теперь утвердились русские парусники с Андреевским флагом, на картах стали появляться имена русских знаменитых мужей—острова Суворова, Кутузова, Александра I. Разные это были путешествия—иногда чисто научные экспедиции с блестящим составом участников, отправлявшиеся на поиск новых земель, иногда коммерческие, везущие грузы в Русскую Америку, а иногда и поневоле приключенческие, как в случае с Василием Головинным, который по пути из английского плена в японский посетил малоизвестные тихоокеанские острова.

Многие русские корабли во время своих многомесячных плаваний заходили в Австралию—в то время единственный европейский форпост в Южных морях. Здесь команды кораблей отдыхали, пополняли запасы продовольствия, воды и угля, а офицеры собирали сведения об этой молодой английской колонии, населенной темнокожими туземцами и ссыльными англичанами. Первым, в 1807 г., путь из России в Русскую Америку с заходом в Австралию проложил русский капитан Леонтий Адрианович Гagemейстер. (О нем и о других ранних экспедициях уже рассказывалось в «Австралиаде»). Всего же на протяжении 1807-1835 гг. 15 русских кораблей совершили 17 заходов в австралийские порты Сидней и Хобарт.

В «царстве вечной весны»

Все привлекало и интересовало русских моряков в Австралии—и ее коренные обитатели, чернокожие туземцы, и успехи молодой колонии, и образ жизни колонистов, и процесс их превращения из англичан в австралийцев. Но первое, что бросалось в глаза и производило сильное впечатление, была сама земля с ее необычной природой.

Восторженное восприятие австралийской земли усиливалось под влиянием продолжительного, до трех месяцев, перехода в холодных южных широтах. «Одним мореходам понятна та радость, которая ощущается после долгого плавания при виде берега»,—писал в 1814 году Семен Унковский, лейтенант с «Суворова». Приближаясь к Австралии, моряки особенно сильно ощущали эту тягу к земле. Вслушаемся, как рассказывает Фаддей Беллинсгаузен об этом радостном ожидании встречи с австралийской землей: «В начале третьего пополудни посланный для усмотрения берега на салинг закричал: "виден берег"! "виден берег",—повторял вахтенный лейтенант; "виден берег",—все повторяли, и на лице каждого изображалось удовольствие». Маленький белый домик, стоящий на пустынном берегу у кромки леса, одинокий ночной костер, «разведенный дикими новголландцами», остов корабля, выброшенный на скалы,—это уже готовые картины, исполненные чувства, пробивающегося сквозь сухие официальные отчеты русских капитанов, отчеты, наполненные перечислением долгот, широт и направлений ветров. В марте 1820 года эта эмоциональная приподнятость, охватившая команду «Востока» «в виду высоких гор Нового Южного Валлиса», удивительным образом совпала с днем Пасхи, когда «все оделись в летнее чистое праздничное платье ... отслушали заутреню и все молитвы» (Беллинсгаузен).

Павел Михайлов. Вид города Сиднея в Порт Жаксоне. 1820 год
Рисунок сделан с северного берега, вероятно, с мыса Кирибилли. Слева вдали Мыс Беннелонг, в центре Сиднейский залив, справа район Рокс. На первом плане видны два русских корабля «Восток» и «Мирный».

И сама встреча с австралийской землей только усиливала это предвосхищение счастья. Австралийский берег неизменно виделся морякам «желанным», «вожделенным», «преlestным», «очаровательным», «цветущим», «царством вечной весны» и даже «раем». Интересно, что ранние австралийские поселенцы обычно считали австралийскую землю и природу чуждой, странной, суровой и враждебной, земля подавляла их своим пространством. Для русских же моряков был характерен совсем другой образ—Австралия воспринимается ими только как берег желанного южного острова, тропического рая. Образ этот можно назвать Сиднее-центричным; моряки, как кажется, в то время не осознают огромности Австралийского континента и его природного разнообразия. Описание в 1814 году Алексеем Российским, штурманом «Суворова», мыса Беннелонг,—на котором ныне расположен Оперный театр,—дает типичный пример такого романтически-восторженного восприятия: «С одного края поднимаются уступами морские скалы, у коих плещутся волны, разбиваясь с пеной о камни; с другого простираются цветущие долины, осененные благовонными рощицами, откуда несется восхитительное пение птиц». Подобное же очарование австралийской землей звучит в записках и других русских. «Любимою моею прогулкою были леса новоголландские,—вспоминал мичман «Мирного» Павел Новосильский.—Часто с раннего утра ... я отправлялся с карманным компасом на многие мили в чашу леса... По узкой, иногда непроходимой тропинке, чрез камни, чрез кустарники, из которых выползали шипучие змеи, я пролагал путь далее и далее... Сколько новых деревьев, растений, цветов, птиц привлекали на себя внимание! ... Усталый, измученный, но полный приятных впечатлений, возвращался я иногда поздно вечером на шлюп». Астроном «Востока» Иван Симонов, живший в палатке на мысу Кирибилли, тоже восторгался необычайностью австралийской природы: «На всяком шагу встречали мы величественные бенксии различных родов; множество прекрасных цветов, дотоле нами невиданных, и птиц, также для нас необыкновенных».

В отличие от австралийцев, у которых странности австралийской природы нередко вызвали раздражение, русские воспринимали их с интересом, их часто захватывала именно эта необычность всего окружающего. Будущий декабрист Дмитрий Завалишин, побывавший в 1823 г. на Тасмании на «Крейсере», писал: «Австралийская природа не поражала нас так своим могуществом и не ослепляла так своим великолепием, как бразильская, ... [но] она едва ли не была для нас интереснее потому, что ниспровергала все привычные наши понятия о произведениях царства растительного и животного».

Эти особенности русского видения можно объяснить, с одной стороны, тем, что русские, как северяне, не были избалованы теплом и богатой растительностью. С другой стороны, они, в отличие от поселенцев, которым приходилось покорять новую землю, приезжали в Австралию лишь на короткий срок, на отдых. Кроме того, психологически, Австралия была для них преддверием на пути в Южные моря, в Океанию, и поэтому виделась скорее как часть стереотипного образа океанийских островов, чем как часть обширного континента с преимущественно суровыми условиями. Постепенно образ земли изменяется от романтического к реалистическому, и видение природы становится более глубоким, от берегов Порт-Джексона взгляд обращается к Голубым горам и проникает за них. На смену «благовонным рощицам» Российского приходят детальные описания растительных зон, сделанные Беллинсгаузеном и Федором Штейном в 1820 году, а Ахилес Шабельский в 1822 году обнаруживает, что «цветы Новой Голландии, которые природа расписала богатыми красками, лишены ароматического запаха». «Восхитительное пение птиц» (1814) заменяется «резкими криками» и «свистом» (1820) и отсутствием «приятного пения» (1822). А в 1829 году мичман «Кроткого» Евгений Беренс обнаруживает, что «птиц в окрестностях Порты Джексон стало чрезвычайно мало, ... ибо всякий здешний колонист имеет ружье и охотится».

Даже австралийский климат вызывал восторженные отзывы русских моряков, несмотря на то, что время их визитов приходилось на холодные, дождливые и ветренные периоды осени, зимы и ранней весны—образ «царства вечной весны», с которым русские подходили к Австралии, был, как кажется, сильнее реалий австралийской погоды. «Благоприятный», «здоровый», «умеренный», «приятнейший» «прекраснейший»—неизменные эпитеты, которыми русские наделяют австралийский климат. Дальше всех в своих восторгах пошел корабельный врач «Ладоги» Петр Огиевский, который считал, что тасманийские ссыльные «благословляют судьбу, которая привела их в такой край земли, где самые хворые, одержимые почти неизлечимыми болезнями, получают облегчение и совершенно выздоравливают». (А в действительности ссыльные в это время дрожали от холода и умирали от туберкулеза в сырых казематах Порт-Артура...).

Евгений Беренс

Молодые колонии

Не менее интересной, чем природа, была для русских моряков и молодая колония. Надо сказать, что в эти годы для самих англичан, да и для других европейцев, Ботани-Бей и Земля Ван Димена (Тасмания) олицетворяли собой позор, бесчестье, ад. Гордиться этими землями англичане начали гораздо позже. Русские же, напротив, почти безоговорочно восхищались успехами молодой колонии: «Сие селение в начальном еще состоянии, хотя удивительно много сделано» (Гагемейстер, 1807). «Нельзя поверить, чтоб какой-нибудь другой город в 26 лет мог придти в лучшее состояние» (о Сиднее) (Российский, 1814). «Можно сказать, что южная Валисская земля процветает со дня на день... Поля обрабатываются; скота и домашних птиц в изобилии» (Васильев, 1820). «Земледелие и торговля находятся тут в цветущем состоянии, и корабли, наполненные здешними произведениями, уже отправляются в Китай, в Ост - и Вест-Индию» (Симонов, 1820). «Быстрые успехи английских колоний в Новой Голландии» (Шабельский, 1822). «Жизненные припасы в большом изобилии и весьма дешевы; лесу много; короче сказать, не знаю, чего только здесь не достает человеку. Этот край наделен всем от Бога» (Завойко, 1835).

Русские в один голос прочили Австралии блестящие перспективы: «Со временем, надобно думать, сия земля будет изобиловать хлебом и почти всем нужным для жизни» (Гагемейстер, 1807), «Кажется, Новая Голландия со временем сделается [одним] из богатейших селений англичан» (Унковский, 1814). «По быстрым успехам сей колонии можно бы заключить, что Новая Голландия, которая имеет почти равное пространство с Европою, сделается, подобно Американским Соединенным Штатам, большим государством» (Симонов, 1820).

Это восторженное отношение объяснялось прежде всего реальными экономическими достижениями. Действительно, русские были свидетелями экономического чуда: земля, которая для первооткрывателей была враждебной и бесплодной, на протяжении жизни одного поколения превратилась в богатую сельскохозяйственную колонию. Кроме того, русские моряки, хотя и видели ряд экономических проблем (высокие цены, невозможность полностью обеспечить население всеми необходимыми продуктами, трудность внутренних сообщений), были склонны обращать больше внимания на достижения и экономический потенциал Австралии, в частности, выгодное географическое расположение (близость к Ост-Индии, Китаю и Индии), на плодородие почв и, наконец, на климатические условия, позволявшие круглый год пасти скот под открытым небом. Надо сказать, что русские моряки собрали во время визитов в Австралию богатый материал, основанный на их собственных наблюдениях и на данных, предоставленных колониальными властями. Особенно щедр был на такую информацию губернатор Лаклан Макуори. В 1820 году капитаны М.Н.Васильев и Ф.Ф.Беллинсгаузен получили от него всеобъемлющие сводки о состоянии колонии, но если Беллинсгаузену удалось опубликовать эти материалы в книге о своем путешествии, то материалы Васильева, озаглавленные «Сообщено губернатором Новой Южной Валисской земли генерал-майором Маквари», 170 лет пролежали забытыми в архивах Морского министерства и лишь недавно были обнаружены петербургским историком Александром Массовым.

Один из вопросов, который интересовал русских начиная с первых визитов, было развитие русско-австралийской торговли. В 1807 году капитан Гагемейстер писал в правление Российско-Американской Компании, что Россия могла бы найти «пользу в оборотах со здешним краем света, [так] как все продукты наши здесь в большой цене, а отсюда можно взять деревья, известные под именем She-oak, кои превосходнее красного дерева на мебель». She-oak - это распространенное в то время название некоторых видов казуарины. Сообщал Гагемейстер и о возможности участия кораблей РАК в посреднической торговле между Австралией и Англией или Австралией и Бразилией. Гагемейстер также отмечал навигационные преимущества пути из Европейской России в Русскую Америку с заходом в Новую Голландию и подчеркивал удобство сиднейской гавани как места якорной стоянки при дальних океанских переходах. На то, что Австралия может стать хорошим рынком сбыта для таких русских товаров как «парусина, фламское полотно, равендук, холст, такелаж, железо, ... стеклянная посуда», русское полотно, обращали внимание Российский и Унковский, участники экспедиции 1814 года.

Австралийцы, со своей стороны, тоже видели выгоды такой торговли. 8 апреля 1829 года, во время визита «Елены», газета «Аустрэлиан» писала: «Мы склонны заключить, что выгодная торговля продовольственными товарами может быть установлена между нами и Св. Петром и Св. Павлом [т. е. Петропавловском-Камчатским], ... путь туда составляет 8-10 недель и поселение расположено почти на той же долготе, что и мы, отнюдь не менее удобно, чем Китай или чилийское побережье». О перспективах русско-австралийской торговли русские моряки будут писать еще не раз, но в девятнадцатом веке она так и не получит значительного развития.

Иван Симонов

Город и дом

Экономические достижения колоний находили наиболее зримое воплощение в развитии молодых австралийских городов, и не удивительно, что тема австралийского города, жилища, дома вскоре стала излюбленной в путевых заметках и дневниках русских моряков. Любопытно, что описание Сиднея, сделанное Беллинсгаузеном еще в 1820 году, передает его характерные черты, сохранившиеся вплоть до нашего времени: «Город выстроен не по общему плану. До прибытия губернатора Маквария мало занимались правильностью в построении, но теперь дома и улицы лучше; несколько общественных и частных строений таковы, что не обезобразили бы хорошие города в Европе. Как город занимает большое пространство, то при первом взгляде путешественник может заключить, что число жителей велико, однако же не превосходит одиннадцати тысяч. Дома по большей части в одно жилье и при каждом сад; цена их и наем квартир весьма дороги».

При заходе в Порт-Джексон русские моряки неизменно пользовались гостеприимством генерал-губернатора и восторгались его резиденциями в Параматте и в Сиднее. Описание последней, сделанное русскими, особенно ценно, так как здание, находившееся на Бридж-стрит, не сохранилось до наших дней. Лет десять назад при строительстве небоскреба на этой узкой улочке в самом сердце сиднейского сити был обнаружен фундамент первого губернаторского дома и теперь тут создан музей истории Сиднея. Но русские бывали на этом месте, когда здесь можно было застать «губернатора Маквария... в саду небольшого сельского домика»,—именно такой показалась губернаторская резиденция Беллинсгаузену. А Российский писал, что «дом генерал-губернатора Маквария, построенный в итальянском вкусе, с прекрасным фруктовым садом» располагался в красивейшей части города. Алексей Лазарев отмечал, что дом был «построен из мягкого камня, и все принадлежности к оному отделаны с чистотой, свойственной англичанину. Против дома его находится большой зеленый луг, на котором бегало много двуутробок [кенгуру] и какаду; у дома же стоят в карауле английские солдаты». Особенно интересны описанные Симоновым интерьеры дома, о которых почти ничего не известно австралийским историкам: гостиная расписана «*al fresco* под карандаш различными сценами из сказок Шехерезады. На стенах же столовой мы видели картины, изображающие редкости Новой Голландии и предметы животного царства, как-то: фамилия коренных жителей этой земли; дикая кошка раздирает какаду; кенгуру; еймио [эму]; разные роды какаду—белые, черные, серые; гуси и голуби Вандимиеновой земли и прочее. Все это писано с большим искусством одним художником, сосланным в Порт-Жаксон за какое-то преступление».

Нравились русским и общественные здания, например новые госпитали, построенные на улице Макуори, «архитектура которых сделала бы немалый вид на самой Англии» (Николай Шишмарев). Они утверждали, что общественные здания в молодой колонии «выстроены по новейшей архитектуре» и «могут быть сравнены с лучшими в Англии», «с первыми в Европе» (Беренс, Унковский). А Симонов еще в 1820 году утверждал, что «город Сидней ... может уже сейчас равняться со многими европейскими городами». Общее лицо города, особенно тот факт, что города строились «по плану», вызывали неизменное одобрение русских. Они хвалили прямые, широкие, чистые и опрятные улицы, красивые коттеджи жителей. Восторги русских по поводу общественных зданий Сиднея кажутся несколько чрезмерными, но возможно они объясняются не столько великолепием зданий, сколько тем, что здания эти возникли в недавно дикой земле, за тысячи миль от Европы.

А вот восторги по поводу частных жилых зданий в Сиднее и Параматте были вызваны, как кажется, другой причиной. Посмотрим более пристально, что же бросалось здесь в глаза русским морякам. Во-первых, они подчеркивали, что жилые дома строятся из камня или кирпича. Во-вторых, они обращали внимание на то, что «каждый поселенец имеет свое жилище»: «Здесь весьма редко найдешь, чтобы два семейства жили в одном доме, но каждое имеет хоть небольшой, но свой собственный» (Российский). В-третьих, практически все русские восхищались тем фактом, что каждый дом окружен «со вкусом обработанным садом», причем «перед

каждым домом сделаны палисадники, где очень красиво расположены дорожки и гряды, на которых посажены лучшие пахучие цветы и фруктовые деревья» (Унковский, Российский). Кроме того, русским нравилось, что даже самые маленькие дома поселенцев «выстроены по плану и со вкусом», они восхищались их неизменной опрятностью и чистотой (Российский, Унковский, Симонов, Беллинсгаузен, Новосильский). Любопытно, что сами австралийцы видят жилищный вопрос в Сиднее в то время отнюдь не столь радужно.

Иллюстрация А.Константиновского к «Ревизору» Гоголя.

Например, австралийский историк Макс Келли пишет, что до середины девятнадцатого века большая часть сиднейцев жила в очень плохих условиях, преимущественно «в деревянных двухкомнатных хибарах».

Очевидно, что восторги русских по поводу австралийской жилой застройки были вызваны скорей всего резким контрастом между Австралией и Европой, не говоря уже о России. Надо сказать, что русские моряки были знакомы и с европейскими, и с английскими городами, куда заходили корабли по пути в Тихий океан, и могли с полным основанием сравнивать австралийскую застройку с городами Старого Света, и, очевидно, сравнение оказывалось не в пользу последнего. Ведь в те годы в России, например, каменный дом могли себе позволить только немногие богатые горожане, это был символ роскоши, престижа. Простые люди, наемные рабочие, слуги и в европейских, и в русских городах жили в тесноте, часто вся семья ютилась в одной комнате, не мечтая о собственном домике с садом, как в Австралии. Не менее скученно жили русские крестьяне в деревнях, часто большая семья со взрослыми женатыми детьми довольствовалась избой, состоящей из одной, благо двух комнат, топившейся по-черному, куда зимой брали и домашний скот и птицу. А лондонские трущобы, описанные Диккенсом! Да и во внешнем облике поселений была заметная разница. Высокие, крепкие заборы были характерной чертой русских городов. Мысль о палисаднике, клумбах с цветами, радующими глаз прохожих, еще только зарождалась у горожан. Впрочем, достаточно вспомнить отчаяние гоголевского городничего, ожидающего ревизора, чтобы представить себе русский город начала прошлого века: «Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтобы было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, боже мой, я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что за скверный народ: только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор, черт их знает откуда и нанесут всякой дряни!»

Завалишин был, кажется, первым русским, попытавшимся найти причину этого контраста. Он открыл, что успехи экономики и привлекательный вид австралийских городов связаны с австралийским подходом к колонизации в целом, с «характером и привычками» англичан, «делающими колонизацию успешною». Отправившись раз ревизовать отряд матросов, занимавшихся заготовкой дров и угля в 40 верстах от Хобарта вверх по реке Дервент, Завалишин заблудился и не без опаски спросил дорогу у встреченного им на пустынном берегу человека, которого он сперва принял за беглого каторжника. Оказалось, что это был отнюдь не каторжник, а первый житель недавно основанного города. Никакого признака города Завалишин, впрочем, никак не мог обнаружить. Но поселенец, смеясь, сказал ему: «А вот видите ли, вон кусок, уголок каменной стены, а за нею дощатую лачугу; это и есть город ... Колониальное начальство назначило тут быть городу; место выгодное; ну вот, выпланировали местность, разбили на участки, обозначили улицы, площади и прочее». Характерно, что застройку своего участка фермер начал с возведения каменной ограды—«дело верное, нет спору о межах, да и другие работы легче производить в огражденном месте». «Ну, думаю я, это не по-нашему»,—заклочает Завалишин.

Несколько упрощая, особенности русского и австралийского стиля колонизации можно свести к следующему:

—в то время как в Австралии поселения строились, как правило, продуманно, упорядоченно, планомерно, в России, напротив, при освоении новых земель преобладала стихийность, спонтанность;

—австралийским колонистам с самого начала было свойственно чувство хозяина, русские же и в местах многолетнего обитания, и на новых землях часто вели себя как временщики, что объяснялось бесправием как крепостных крестьян, так и всего населения России;

—в то время как в Австралии в полной мере процветал принцип индивидуализма («мой дом—моя крепость»), для русских характерно было общинное начало, коллективизм, который лишал их индивидуальной ответственности и инициативы.

Очевидно, именно этими контрастами и объяснялись особенности восприятия русскими моряками австралийского города и дома.

Василий Головнин

Ссылка, свобода и власть

Как известно, каторга и ссылка, в том числе освоение новых территорий при помощи этих институтов, сыграли большую роль и в русской, и в австралийской истории. Отношение к ним русских моряков во время пребывания в Австралии (а ведь австралийские колонии создавались именно как ссыльно-каторжные поселения), тоже позволяет глубже заглянуть в мировосприятие русского общества того времени. Мнение русских было единодушным: «Каждый сосланный сюда за преступление живет гораздо лучше, нежели простолюдины в Англии, и под строгим надзором, не имея ни в чем нужды, делается добрым и полезным гражданином. Редко кто из них, по истечении срока ссылки, решается возвратиться в отечество. Напротив того, всякий желает окончить жизнь там, где он нашел довольство и сладкое спокойствие» (Российский, 1814). «Тот обманулся бы грубо, кто представил бы их себе несчастными, осужденными влечь ярмо, на них наложенное, и умирающими с голода... [Сии преступники], без сомнения, гораздо счастливее в герцогстве Кумберландском [т.е. в Австралии] нежели как были в самом своем отечестве» (Шабельский, 1822). «Участь здешних ссылочных совсем не такова, чтобы можно было считать их несчастными» (Андрей Лазарев, 1823). На чем же основывались столь радужные заключения? Надо сказать, что прежде всего представление о самих ссыльных у русских было совершенно негативное: «преступники», «негодяи», «мутная накипа», «самая негодная часть народа» (Шишмарев, Новосильский, Шабельский). Ни о характере т.н. «преступлений» (а ведь, чтобы быть высланным в Австралию на долгие годы, достаточно было украсть кусок хлеба или застрелить кролика на земле лендлорда), ни о социальных корнях этих преступлений русские не имели представления. В то же время условия перевозки, работы и жизни ссыльных воспринимались русскими как чрезвычайно благоприятные.

Например, в 1809 году Головнин, капитан «Дианы», будучи в Южной Африке, посетил британское судно «Спик», которое везло ссыльных женщин в Австралию. У него сложилось впечатление, что содержат их «очень свободно». «Довольствуют в пути сих пленных весьма хорошо», свидетельствует и капитан Васильев. Содержание ссыльных в арестантских бараках в Сиднее, в которые водили на экскурсию всех русских, кажется им верхом совершенства: «Для житья самой негодной части великобританского народа назначен дом просторный, хорошо содержимый и в котором все находится в величайшем порядке» (Шабельский). С умильными подробностями моряки отмечают, что каждый ссыльный имеет отдельную койку с постельным бельем, везде царит «поразительная чистота», а одежда «ссылочных» «хотя груба и не весьма хороша на вид, но с бережливостью может служить долго» (Беллинсгаузен). А уж восторгам по поводу пищевого рациона не было предела. Русские были приятно удивлены узнав, что он включает фунт мяса в день, сахар и вдоволь белого хлеба. «Мы отведали суп их и он был приготовлен очень вкусно», свидетельствует Симонов. Все это, и особенно замечание Беллинсгаузена о том, что женщинам дают чай и не применяют по отношению к ним телесных наказаний, воспринималось русскими как неоспоримый аргумент в пользу гуманности английских властей, выказывало, как затейливо выразился Головнин, «человеколюбивые и сострадательные попечения английского правительства об облегчении тяжелой участи преступников».

Надо признать, что русские были правы, хваля пищу ссыльных, в некоторых случаях она была действительно лучше, чем у свободных поселенцев, но происходило это вследствие постоянной борьбы ссыльных за свои права, а не из-за «сострадательного попечения» английских властей. Но, конечно, главной причиной восторгов русских было их подсознательное сопоставление с условиями содержания арестантов в России, которое оказывалось не в пользу последней. Да и свободное население России того времени, в массе своей, могло позволить себе фунт мяса, сахар и белый хлеб только по праздникам, как впрочем и заморский чай, который только входил в широкое употребление. А что уж говорить о телесных наказаниях, когда в России им подвергали крепостных женщин и мужчин без суда и следствия вплоть до отмены крепостного права.

И все же русские увидели лишь одну сторону медали—образцовые правительственные арестантские бараки, находящиеся в Сиднее, и аналогичное учреждение для женщин в Параматте. Они не могли составить никакого представления об условиях жизни ссыльных, находящихся в услужении у фермеров (и голодавших вместе с ними), или о «строгорезимных лагерях» для строптивых ссыльных на Норфолке и на Земле Ван Димена. Не удивительно, что отчеты русских моряков, при всей их детальности, не объясняют, почему слова «Ботани-Бей» и «Земля Ван Димена» стали для англичан символами ужаса; почему они называли австралийскую ссылку «белым рабством». Не ощущают русские и жестокости самого института ссылки, особенностью которого было подавление личности и устрашение потенциальных преступников в Англии. Не удивительно, что в то время, когда русские покидали арестантские бараки убежденные в полном благоденствии ссыльных, те, при малейшей возможности, бежали из мест заключения, зачастую обрекая себя на верную гибель. Беллинсгаузен был единственным, кто писал о неэффективности труда заключенных, но и он был склонен винить в этом не саму систему ссыльной колонизации, а тот факт, что «приставленные за ними надзиратели такие же ссылочные, и, конечно, сквозь пальцы смотрят на труды их». О том, что общественное

мнение в Австралии уже в то время было настроено против ссылки преступников, мы можем прочитать лишь в воспоминаниях Завалишина, который, впрочем, писал их уже в 1870-80-х годах, после того как он сам, приняв участие в движении декабристов, провел почти 30 лет на каторжных работах и на поселении в Сибири. Вспоминая обед у губернатора Уильяма Сорелла, где кроме русских моряков присутствовал весь местный «свет»—пастор, начальник города, главный доктор и начальник военного отряда—Завалишин писал: «Разговор был ... в высшей степени интересный, особенно, для меня, который уже в то время занимался положением Сибири как места ссылки». Завалишин видел преимущества Тасмании по сравнению с Новым Южным Уэльсом в том, что здесь наряду с ссыльными с самого начала «стали селиться и добровольные переселенцы, привлекаемые умеренным климатом». Его собеседники считали, что ссылка тормозит развитие земледелия, т.к. колонисты опасаются основывать фермы далеко от Хобарта. «Только мужеству моряков-фермеров, не побоявшихся добровольно переселиться к нам,—приводит Завалишин слова губернатора,—мы обязаны, что имеем нечто вроде земской полиции; а дерзость и искусство наших беглых каторжников ... таковы, что они умудряются даже обдирать медную обшивку у стоящих на рейде судов».

Михаил Лазарев

Русские, будучи уверены, что главная цель колониальной администрации была не изоляция преступников, а их исправление, продолжали восторгаться гуманностью ссылки. Они во всех деталях описывали систему мер, способствующих такому перевоспитанию: досрочное освобождение исправившихся ссыльных, отеческая помощь им со стороны администрации, наделение их землей и, наконец, полное восстановление их гражданских прав. Уже в 1807 году Гагемейстер отмечал, что работа бывших ссыльных так высоко оплачивалась, «что многие из сылошных в продолжение 10 лет нажили себе большой капитал, наипаче один, который имеет теперь более 30 000 фунтов стерлингов». Будущий декабрист М.К. Кюхельбекер в 1822 году в письме матери подчеркивал, что бывшие ссыльные по освобождении стали «добропорядочными гражданами». Беллинсгаузен, который составил наиболее детальное описание австралийской ссылки и последующей реабилитации ссыльных, был склонен винить во всех замеченных им пороках преступную натуру самих «ссылочных», лишь вскользь отмечая, что после освобождения некоторые из них не могут добиться успеха по объективным причинам, из-за отсутствия средств. Андрей Лазарев, посетивший Тасманию в 1823 году и обнаруживший, что «местное начальство употребляет все способы к тому, чтобы произвести из них [ссыльных] хороших домоводцев, отводит им во владение значительные участки земли и не берет никаких податей», прямо указывал, что правительство слишком гуманно по отношению к ссыльным, многие из которых «во зло употребляя оказываемые им благодеяния, неблагодарны». Рассказав историю встреченного им в Хобарте белоруса Джона Потоцкого (необычайная жизнь которого описана мною в 7 номере «Австралиады»), уличенного в краже, Лазарев патетически восклицал: «Вот каковы плоды свободы для развратного человека».

Казалось бы, что русские, приехав в Австралию из самодержавной России, должны были с большей симпатией относиться к идее свободы. Но это было не так. Очевидно, их идеалом в то время была не английская «свобода», а просто разумное и справедливое начальство. По существу это извечная мечта русского человека о добром царе-батюшке. Характерно, что даже неограниченная власть губернатора в австралийских колониях не вызывала осуждения русских. В 1820 году Беллинсгаузен писал о губернаторе: «власть его почти не ограничена, многим более власти короля английского в Великобритании. Мне кажется, что благосостояние колонии, населенной такими людьми, каковых привозят в Ново-Южный Валлис, требует, чтобы главный начальник имел неограниченную власть». Тот факт, что губернатор Макуори «не только оной во зло не употребляет, но еще доказывает, что человеколюбив [и] благоразумен», казался русским вполне достаточным гарантом благосостояния колонии и общества. Одобрение «справедливого правительства» (Огиевский) и «благоразумной попечительности начальства» (Симонов) присутствует и в отчетах других русских. Даже радикал Завалишин принимал и одобрял такое положение вещей, лишь прозрачно противопоставляя русскую «неразумную» бюрократию и австралийскую «разумную» авторитарную власть, и, как кажется, не видел необходимости развития подлинной демократии и самоуправления, к которым стремились жители австралийских колоний уже в то время. Вскоре после посещения Тасмании в 1823 году он писал: «Теперь понятны успехи колонизации и развития края там, где начальство не стесняет и не эксплуатирует, а ограждает и содействует; где работают разумно, ... где образованность и деликатность могут совмещаться с самою грубою и тяжелою работою!»

Фаддей Беллингаузен

«Прекрасное общество просвещенных людей»

Каково же было отношение русских к населению австралийских колоний, что думали они о его образе жизни? Когда русские начали относиться к местным жителям как к «австралийцам», а не англичанам? Хотя первоначально русские неизменно называли местных жителей «англичанами» (кстати, почти не принимая в расчет, что среди населения было много ирландцев и шотландцев), уже во время самых первых контактов они начинают обнаруживать специфические «австралийские» черты молодого народа, формирующегося на их глазах. В 1820 году Симонов первый пытается найти более точный термин: «Приятно было видеть привязанность новоголландских англичан к сему благодетелю рода человеческого [Александру I]». Здесь «новоголландские англичане» еще не полноправное этническое понятие, но это все-таки не просто англичане, а англичане—жители определенной территории. Уже в то время русские отмечают специфически австралийские черты во внешнем облике поселенцев: «Здесьние жители ... рождаются гораздо красивее, нежели в Европе, с первого раза можно видеть, которые привезены и которые здесь родились, особливо женщины, у коих цвет лица гораздо нежнее. Дети—настоящие купидоны, румяные, полные... Здесь почти два годовые времени, весна и лето, отчего женщины чрезвычайно плодovitы» (Российский, 1814). «Дети, рожденные здесь от европейских родителей, бывают обыкновенно белокуры, лицом белы и по большей части имеют черные и весьма живые глаза, быстрый ум, хорошую память и очень проворны» (Беренс, 1829).

Что же до этнических стереотипов—неизбежного атрибута литературы путешествий,—то и они проявились у русских при знакомстве с населением колоний специфически. Для сравнения можно отметить, что русские описания Англии и англичан были пронизаны стереотипами. Среди наиболее распространенных в то время Н. Ерофеев в книге «Туманный Альбион» отмечает такие как практичность, предприимчивость, опрятность, серьезность, неприветливость, консерватизм, благородство, набожность, плутовство, страсть к азартным играм и пьянство. В Австралии же русские, описывая местных жителей, прибегают к стереотипам очень редко. Из стереотипных английских черт они отметили здесь лишь следующие: «особенная страсть к боям всякого рода» (Российский) и к лошадиным бегам (Васильев), «чистота, свойственная англичанину» (Алексей Лазарев), и гордость. Российский, кстати, счел именно гордость причиной блестящих обедов в честь русских, устраиваемых местными жителями: «Кажется, они ничего не пощадили, чтоб только блеснуть по обыкновенной гордости англичан». Все остальные моряки, впрочем, говорят об истинном гостеприимстве колонистов. Завалишин прямо выступает против этнических стереотипов, отмечая, что поведение жителей Хобарта было лишено "холодности и гордости, в которых привыкли упрекать британцев". Действительно, гостеприимство «новоголландских англичан»—черта, которая отсутствует среди стереотипов, приписываемых русскими англичанам в Англии,—была отмечена буквально всеми русскими моряками.

Любопытно, что почти не прибегая к стереотипам, относимым к англичанам, русские еще не были готовы создать обобщенный образ «австралийцев». Отсутствие стереотипов объясняется отчасти тем, что дошедшие до нас материалы русских моряков это в основном путевые дневники, а этот жанр требует описания конкретных фактов и лиц, причем зачастую по горячим впечатлениям, когда обобщения в сознании автора еще не сформировались. Будучи же в Англии, русские чаще ставили своей задачей дать обобщенный портрет страны и нации, что неизбежно приводило к стереотипам. Кроме того, новый необычный мир Австралии предоставлял такое богатое поле для конкретных наблюдений, что для рассуждений о народе в целом—непременном атрибуте путевого очерка по европейским странам—не хватало времени.

И все же уже в эти годы можно заметить, как создается обобщенное представление об австралийском образе жизни, которое получают более детальное развитие в последующие десятилетия. На первый план здесь выходит демократизм. Возьмем к примеру, застольный этикет. За кажущейся банальностью темы можно обнаружить важные этносоциальные особенности молодой нации, подмеченные русскими. Надо сказать, что всем русским морякам довелось побывать—и не раз—на приемах и обедах, устраиваемых местными властями и публикой. Замечания русских о пище и застольном этикете варьировались от прочувствованных рассказов о том, как миссис Макуори, жена губернатора, невзначай заговорила разговор с русскими гостями о том, что они любят есть, чтобы угодить им с едой, до курьезных стереотипных утверждений, которые, впрочем, тоже подчеркивали стремление австралийцев лучше принять своих заморских гостей: «Суп ... я думаю, собственно для русских был приготовлен, ибо англичане за обедом его не употребляют. ... За столом во время обеда они не употребляют салфетки, а вытираются скатертью, но когда мы обедали, то подавали всегда салфетки» (Васильев).

Леонтий Гагемейстер

Но главное было не это. Вот несколько выдержек из многословного дневникового описания обычного колониального обеда, сделанного капитаном Васильевым в 1820 году: «Гостей рассаживают между хозяевами для угощения и занятия. ... Хозяин и прочие офицеры спрашивают у своих гостей, какого кушания кто желает ... и против которого оно стоит, тот и разрезывает, и накладывает. ... Хозяин пропозирует наливать рюмки какого вина кто хочет. ... Ежели пастор за столом, [он] читает молитву, либо хозяин делает похожее на это, ежели пастора нет. ... Я заметил, когда подали фрукты на стол и пьют тосты, то прислуги никакой при столе не бывает». Шишмарев приводит свое впечатление от подобных застолий весьма лаконично: «мне пондравился англинский в столе порядок, а тем более, что от самого себя зависит есть и пить». О своем застольном опыте в Хобарте рассказал и Завалишин, в то время совсем юный мичман, не привыкший к вину. Боясь, что он не выдержит многочисленных тостов, он обратился за помощью к своему соседу по столу, пастору Нопвуду. Желание Завалишина не пить было учтено, причем очень тактично: перед ним появились два графина с подкрашенной вареньем водой, что позволило ему наравне с другими поднимать тосты, но не пьянеть. Очевидно, главная черта колониального застольного этикета, привлекавшая внимание русских,—демократизм и внимание к нуждам и удобству каждого. Австралийское застолье несомненно отличалось от русского с его суетой многочисленных слуг, церемонностью, уговариванием гостя отведать то или иное блюдо, принуждением к выпивке. В то же время любопытно, что русские, считая что они участвуют в английском застолье, как раз подчеркивали черты не самые для него характерные: отсутствие слуг, самообслуживание, демократичность. Это станет особенно ясно, если учесть, что обеды, описанные русскими, проходили по колониальным меркам на самом высоком уровне, с присутствием губернатора и всего местного света. Вероятно прием на таком уровне в самой Англии происходил бы с гораздо большей помпезностью и церемонностью.

Пищу для размышлений может дать и описание нравов, царивших на балу и описанных Симоновым. Местные кавалеры не только уступили ему свою очередь на заранее ангажированный танец с пригласившейся Симонову дамой, но и героически по очереди танцевали с другой—«настоящей кенгуру»: «нельзя же ей сидеть во весь вечер без кавалера»—был сдержанный ответ на удивление Симонова. Любопытно, что подобное великодушие на танцах, которое потом будет описано и австралийскими писателями в их произведениях, было подмечено русскими уже на заре австралийской истории. Заметили они и ряд других характерных черт повседневной жизни местных жителей, которые в сознании русских до наших дней выступают как черты австралийской нации. Вот, например, описание пребывания русских моряков в гостинице в Параматте, сделанное Новосильским в 1820 году: «Каждый из нас имел опрятную, хорошо меблированную комнату, на постелях белье блестело белизною. Когда что понадобится, дернешь за шнурок—к вам явится молоденькая, пригожая служанка и с улыбкою спросит:

—Did you ring, sir? Вы, сударь, звонили? Что прикажете, все в минуту будет исполнено».

Если австралийскому читателю подобная зарисовка покажется вполне естественной, то у русских доброжелательное обслуживание с улыбкой и поныне вызывает приятное удивление. На протяжении ряда лет мои коллеги по отделу Южнотихоокеанских исследований в Институте востоковедения АН СССР, возвращаясь из командировки в Австралию, на вопрос о самых сильных впечатлениях часто отвечали: «Они улыбаются!»

Не ускользнули от внимания русских и другие демократические особенности колониальной жизни. Например, посещение дома хобартского кузнеца, выполнявшего заказы для «Крейсера» и представшего после окончания работ перед изумленными моряками настоящим джентльменом в синем фраке с золотыми пуговицами. Он пригласил офицеров на чашку кофе, а они долго не могли поверить, что это и есть тот самый запачканный малый в фартуке, которого они видели в кузнице. В доме у кузнеца, рассказывает Завалишин, моряки обнаружили «такие странные для наших понятий вещи, что отнюдь не раскаивались, что посетили его». Сам домик «имел вид отделанной игрушки». Жена кузнеца, которая, кстати, никогда не видела его в рабочей одежде, угостила офицеров отличной закуской и кофе. Но больше всего Завалишина поразила хорошая библиотека карманных изданий английских классиков, а ведь происходило это в колонии, основанной совсем недавно. Это действительно было «не по нашему». И уж совсем необычным будущему русскому декабристу показалось единодушное мнение горожан Хобарта, что у них три «домашних друга»: пастор, доктор и полицеймейстер. Действительно, более странного для русского уха сочетания, чем полицеймейстер и домашний друг, нельзя было и придумать. Симонов подвел краткий итог русских впечатлений от народа Австралии: «прекрасное общество просвещенных людей».

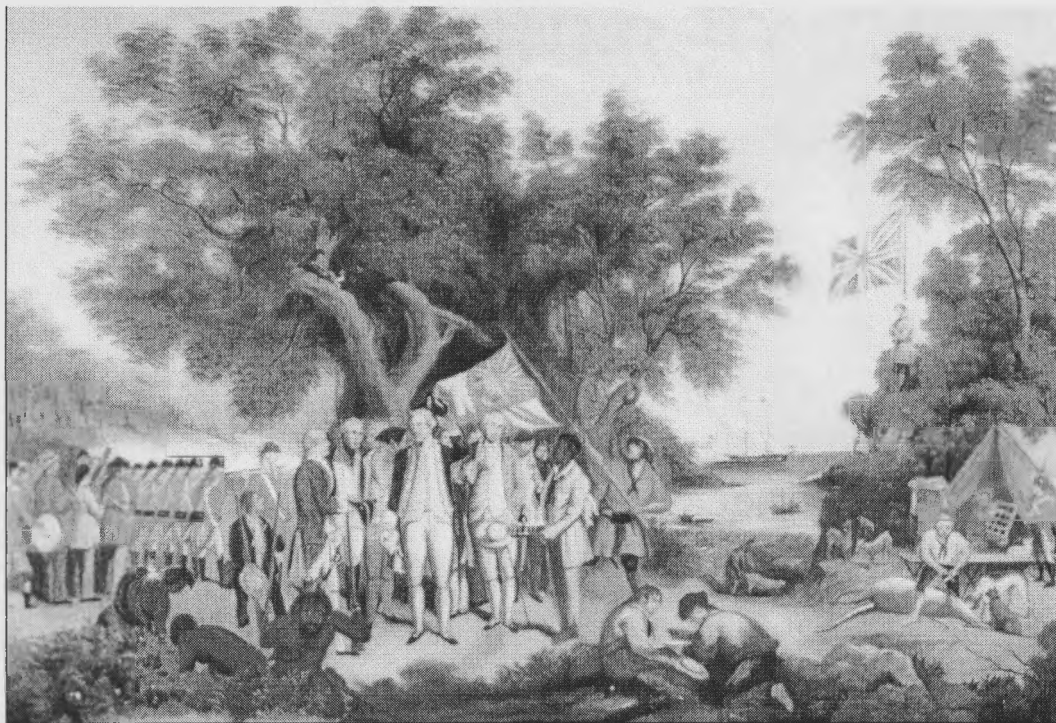
Дмитрий Завалишин

Мы не будем рассматривать здесь впечатления русских от контактов с аборигенами—читатель найдет их в статье Е.Говор и В.Кабо в последнем, 18 номере «Австралиады».

Подведем итоги. На этом раннем этапе знакомства с Австралией все—земля, колония и общество—виделось русским зачастую в розовом свете. Эйфории способствовал контраст—дикая экзотическая земля Южных морей и успешно осваивающая ее горстка культурных колонистов, «прекрасная природа, украшенная руками мыслящего человека». Впрочем, очевидно, что восхищали русских не столько реальные социально-экономические успехи колонии, сколько—вольное или невольное—сравнение ее с их собственной страной Российской империей. А при таком сопоставлении даже жизнь в ссыльно-каторжной колонии на краю света могла показаться раем. Русские моряки явились своеобразным зеркалом, отразившем состояние умов и ценностных ориентаций русского образованного общества в целом. Хотя в опубликованных отчетах они многократно высказывали свою преданность царю, несомненно, что в душе они осуждали крайности самодержавия, произвол российских властей и крепостничество. Их критика русских реалий еще очень осторожна, их идеалы еще только формируются под влиянием идей Французской революции и Просвещения, но эхо этих симпатий проявилось в их оценке австралийской действительности. Кстати, в составе русских экспедиций, заходивших в Австралию, было четверо будущих декабристов— Д.И.Завалишин, К.П.Торсон, М.К.Кюхельбекер и Ф.Г.Вишнеvский.

Наблюдательность русских моряков блестяще проявила себя в их суждениях об австралийских колонистах. Уже в то время, два-три десятилетия спустя после основания колонии, русские воспринимают местных жителей не просто как англичан, живущих вне Англии, и редко отождествляют их с традиционным стереотипным образом англичанина. Общение с разными слоями австралийского общества позволяет русским нащупать его характерную черту—демократизм. Несомненно, что оказавшись в Австралии, русские чувствовали, хотя и не могли еще ясно это сформулировать, что здесь идеал английского образа жизни реализовался полнее, чем в самой Англии, и причины этого лежат в отсутствии жестко структурированного общества, когда стиль жизни, который в Старом Свете был привилегией высшего класса, здесь мог позволить себе рядовой поселенец и даже бывший ссыльный, изгой. Не сравнивая прямо в своих публикациях русское и австралийское общество (за исключением более поздних работ Завалишина), моряки несомненно замечали противоположности между ними. Перечень тех особенностей колониальной жизни—чувство собственного достоинства у простых людей, подвижность социальных перегородок, уважение к потребностям личности,—на которые они обратили внимание, говорит об этой постоянной подспудной работе мысли, проявившей себя в полной мере лишь в последующие десятилетия, во время новых визитов.

Использованная литература. Детальные ссылки на все использованные источники можно найти в книге Govor E., *Australia in the Russian Mirror, Changing Perceptions, 1770-1919*, Melbourne, 1997; тексты русских моряков цитируются по изданиям: Российские моряки и путешественники в Австралии, сост. Е. Говор, А. Массов, М., 1993; Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном ледовитом океане..., СПб, 1831 (пользуюсь случаем, чтобы выразить признательность А. Я. Массову за предоставление ряда цитат из этого издания); Васильев М., Замечания капитан-лейтенанта Васильева о Новой Южной Валлисской земле,—Записки издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом, 1823, ч. 5; Головин В. М., Груз английского транспортного судна,—Сын Отечества, 1816, ч. 31, № 30; Завалишин Д., Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» в 1822-1825 годах,—Древняя и новая Россия, 1877, № 5-7, 9-11; [Завойко В. С.], Впечатления моряка во время двух путешествий кругом света, ч. 1, СПб, 1840; Лазарев Ал. П., Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренного»..., М., 1950; Новосильский П. М., Южный полюс.—Пантеон, 1853, № 5-10; Симонов И. М., Известие о путешествии капитана Беллинсгаузена...,—Северный архив, 1824, ч. 12, № 19; [Симонов И. М.] Письмо к * — Казанский вестник. 1829, ч.25, кн.1; Унковский С. Я., Истинные записки моей жизни,—Известия Всесоюзного географического общества, 1944, т. 76, № 2-3; Унковский С. Я., Из «Истинных записок моей жизни»—в кн.: М. П. Лазарев. Документы, т. 1, М., 1952; Шишмарев Н. Д. Журнал, 1820,—РГА ВМФ, фонд 203, оп. 1, д. 7306; См. также Массов А. Я., Андреевский флаг под Южным Крестом, СПб., 1995; Kelly M., 'Nineteenth century Sydney «Beautiful certainly; not bountiful» ', in J. Davidson (ed.). *The Sydney-Melbourne Book*, Sydney, 1986.

От редакции

В ответ на статью Елены Говор, опубликованную в первом выпуске альманаха, в редакцию пришло следующее письмо:

Елене Говор с благодарностью за ее «Русских в Австралии»

Мечтая об Австралии – русский мечтает о себе самом. Так как нет ничего важнее встречи с Собой. Но немногие способны для осуществления этой встречи идти вглубь себя: туда, где действительно можно себя обрести. Когда эта необходимость встречи с Собой становится страстной, мучительной, неотступной, а подлинный путь к себе или неизвестен, или его стараются не заметить, – тогда для многих русских (кому однажды явилась, приснилась, пригрезилась эта тайна – Австралия) – из глубин собственного сознания – океана всплывает завораживающий, почти нереальный материк... И стремление добраться до него становится мечтой, наваждением, целью... Каждый верит, что только там, на этой земле, все случится: свобода, покой, творчество, любовь, ты сам... Многие, ценой невероятных усилий, добиваются. И трагедия Невстречи преследует их всю оставшуюся жизнь под созвездием Южного Креста. А на самом деле свобода, покой, творчество, любовь, ты сам – все это внутри тебя самого. И только тот, кто обретает это в себе, обречен и на встречу с Австралией... Только человек, который нашел сам себя (в Москве, Петербурге, Сибири...), будет равен Австралии в момент встречи с ней – и Австралии – символу, мечте, и реальной земле... (очень короткая история государственности и самый древний пласт памяти планеты, который сохраняет земля и воды Австралии). Именно поэтому год назад, когда мне отказали в австралийской визе, я не расстроилась: я знала, что путь, которым я так давно и так трудно иду, все равно ведет в Австралию: пробиваясь вглубь себя, я обретаю то, что сделает мое неминуемое свидание (верю!) с реальной Австралией – Встречей!

С любовью. Лариса Патракова.

13 марта 1999 г., г. Вологда.